

О. Н. Яницкий

ДВЕНАДЦАТЬ ГИПОТЕЗ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭКОПОЛИТИКЕ*

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

* Статья опирается на исследования по проекту "Российская экологическая политика", финансируемого РФФИ (проект 93-06-10222). Используются материалы о 250 российских неправительственных организациях, полученные в ходе реализации данного проекта в 1993-1994 годах, а также реализации программы "Семена демократии", осуществляемой ИСАР/ Американским агентством по международному развитию. Методика исследования разработана автором статьи, обработка материалов осуществлена М.А.Поляковой и И.А.Халий — сотрудниками группы по изучению экологических движений и экополитики Института социологии РАН.

Всякое социальное движение периодически переживает спады, а временами исчезает с политической арены. Однако его "несущий каркас", как правило, сохраняется и служит той микромобилизационной средой, которая обеспечивает новый подъем. Провал либо успех тех или иных движений на местных или парламентских выборах не был бы неожиданностью, зная мы их реальный потенциал, технологии политической мобилизации, структуру и уровень развития "несущего каркаса".

Между тем при исследовании агентов социальных изменений (в том числе экологических и других социальных движений) всегда на первом плане были присущие им цели и ценности, политические программы и формы социального действия. Организационная же основа движений обычно рассматривалась как подчиненная реализации этих целей и программ и потому менее изучена в нашей социологической литературе.

Значение исследований базовых структур многократно возрастает при изучении неполитических движений, ориентированных на самовыражение и самоидентификацию, на выработку и утверждение новых ценностей, на создание альтернативных форм общественной жизни (именно этим интересно российское экологическое движение).

Познание организационных структур и технологий не сводится к проблематике социальных движений — они представляют интерес как элементы формирующегося гражданского общества, как растущая по своей важности структурная часть всего российского социума. Политологи называют их неправительственными организациями (НПО). Такое дихотомичное определение "от противного" не исчерпывает их сути, в действительности — это целый социальный мир, изучение которого методами социологии может пролить свет на самые разные проблемы, от способов выживания российской интеллигенции до динамики ценностных ориентации в условиях "переходного периода". Но все же (за неимением лучшего) будем и в этой статье использовать принятый термин.

Под альтернативной экополитикой будем подразумевать деятельность экологического движения и неправительственных организаций (экоНПО), направленную на осуществление проэкологических социальных изменений в российском обществе. Инфраструктура этой политики в общем и целом может быть представлена как совокупность упомянутых организаций, их связей, а также таких "средовых" факторов, как общественное мнение, и некоторых других конституирующих элементов. "Технологии" здесь — это устойчивые формы производства названных изменений.

"Порождающая среда"

Рассмотрим ту культурную, социальную и институциональную среду, в которой возникают и действуют экоНПО. Это высокоурбанизированная среда: 70-80 процентов нынешних экоНПО сформировались в крупнейших городах и урбанизированных регионах. Данный факт обычно подводит к выводу, что появление такого рода организаций есть реакция населения на высокий уровень загрязнения или экологических аварий. Это действительно так, хотя лишь часть ответа на вопрос.

Если присмотреться внимательней, то "внутри" высокоурбанизированной среды главными для роста экоНПО всегда были три институциональные сферы — наука (научное производство), образование и система массовых коммуникаций. К ним непосредственно примыкают проектно-конструкторская сфера и весьма разнородная, но имеющая общий знаменатель среда так называемых творческих союзов, технических обществ и любительских объединений городской интеллигенции. Это говорит о многом.

Во-первых, экоНПО — порождение "поздней урбанизации" (по аналогии с понятием поздней модернизации, в том смысле, что высокоурбанизированные анклав являются средой возникновения альтернативной культуры и форм социальной организации). Во-вторых, экоНПО можно назвать также коллективными субъектами "рефлексирующей урбанизации" (опять же по аналогии с термином "рефлексирующая модернизация"), то есть субъектами, которые осознали тупиковый и разрушительный характер механического (нерефлексирующего) развития нынешней российской урбан-индустриальной системы и считают необходимым отказаться от сложившегося уклада жизни. Многие из нынешних экоНПО сформировались еще в тоталитарный период. До начала перестройки они существовали как неформальные группы единомышленников в порах государственных или квази-общественных организаций — университетов, научно-исследовательских институтов, творческих союзов, технических и иных обществ. Начальный этап реформ (1985-1988 годы) был отмечен бурными и весьма конфликтными процессами роста численности экоНПО и обретения ими независимости от партийно-государственных структур, однако с продолжающимся использованием их ресурсов. Поэтому, в-третьих, принципиально важно, с социологической точки зрения, что альтернативные господствующему укладу проэкологические ценности и формы коллективного поведения могут возникать не только в условиях высокомодернизированных демократических обществ, но и в упомянутых выше сферах, целиком встроенных в директивную урбан-индустриальную систему.

Отсюда первая гипотеза: так называемые постматериальные ценности могут формироваться и воспроизводиться не только в постиндустриальном, но и в посттоталитарном обществе с еще незавершенной индустриализацией.

Вторая гипотеза: возникновение экоНПО не связано непосредственно с уровнем материального благосостояния ни их членов, ни основной массы населения (то есть фактически — с наличием в стране среднего класса). Российские экоНПО — это прежде всего социокультурный и гражданский феномен, имеющий глубокие корни в русской культуре, точнее, в культуре и образе жизни российской интеллигенции, склонной к рефлексии, неформальному общению и критике властей. Следует, однако, задаться вопросом: это продукт только российской (в указанном выше смысле) культуры, или же тут участвуют некие планетарные силы?

Повсеместно высокий уровень образования членов экоНПО в совокупности с личной проэкологической мотивацией, значительный процент работающих докторов и кандидатов наук, владение несколькими специальностями, включенность в глобальные коммуникационные сети, множество личных (селективных) научных и общественных связей, систематический обмен информацией, идеями, опытом, кадрами с аналогичными международными организациями — все это говорит о том, что глобальное экологическое знание и глобальное экологическое сообщество также следует рассматривать как среду,

порождающую экоНПО. Мощным, действующим в том же направлении фактором является и механизм глобального социального сравнения.

С этим связана третья гипотеза: процесс формирования российских экоНПО по преимуществу внелокален. Механизм его представляется таким: глобальное экологическое знание, трансформируемое в убеждение (как мотив), личная гражданская позиция (как общественный стимул), социальное сравнение (как катализатор), местная экологическая ситуация (как непосредственный стимул) — возникновение организации, которая локальна по форме и глобальна по характеру своей деятельности.

Численность и внутренняя организация

Численность экоНПО существенно колеблется — от трех до 30-40 членов. Однако эти 30-40 человек — "списочный состав", часто необходимый лишь для обретения формального статуса (юридическая регистрация, право выступать в качестве учредителя или, например, коллективного члена других организаций). Все наши исследования свидетельствуют, что основой местных экоНПО являются малые группы в 3-7 человек, причем эта численность сохраняется независимо от функций, выполняемых как конкретной группой, так и "зонтичной" организацией в целом. Если в последней более 30-40 членов — появляются ее филиалы, отделения или другие "малые коллективы", по существу уже независимые.

Характерные признаки их внутренней организации — малая функциональная расчлененность ролей, взаимозаменяемость, высокая индивидуальная активность (граничащая с самоэксплуатацией), инициативность при низком уровне формальной дисциплины. Респонденты неоднократно сетовали на огромные потери времени в ходе постоянных внутренних и межорганизационных дискуссий. Однако, на наш взгляд, эти "потери" — в действительности огромный плюс таких групп, живущих в диалоговом режиме, что резко отличает их от больших организаций.

Из этого исходит четвертая гипотеза: численность, профессиональный состав, внутренняя организация и характер деятельности экоНПО позволяют говорить о них как о специфической и оптимальной для нынешних российских условий форме духовного производства.

Направленность и характер деятельности

Экологическое движение гетерогенно: в нем существует несколько типологических групп [1]. И относящиеся к ним экоНПО соответственно различаются по направленности и характеру действий. Однако сквозной просмотр характеристик более чем 250 экоНПО обнаружил, что практически всем им, независимо от происхождения, идеологии и профессиональной специализации в той или иной степени присущи: наблюдение за состоянием природы и ее непосредственная охрана; экологическое образование и просвещение; теоретическая и идеологическая работа; прикладные исследования и разработки; организационная и посредническая (некоммерческая) деятельность; деятельность, специально направленная на укрепление экодвижения и развитие сети его организаций, и, наконец, политическая (конвенциональная и неконвенциональная) активность. Наиболее широко распространены три вида деятельности — прикладные исследования и разработки; экологическое образование и просвещение; сбор, анализ и распространение информации.

Какова возможная интерпретация этих фактов? Очевидно, что многопрофильность, "переключение функций" — способ выживания, сохранения устойчивости экоНПО; что наибольшая распространенность трех упомянутых видов деятельности подтверждает нашу гипотезу о креативном (а не реактивном) характере этих НПО, об их роли узлов (островов) духовного производства; что в своей интенции деятельность экоНПО имеет

социокультурную, а не политическую ориентацию. Но главное мое предположение — пятая гипотеза — заключается в том, что совокупная деятельность всех эконоНПО представляет собой некую модель системы производства интеллектуальных и социальных ресурсов, необходимых для "экологического поворота" российского общества. Я говорю осторожно — модель (схему, прототип), потому что реальная мощь этой системы, по сравнению с вызовом ситуации явно недостаточна. Однако трудно переоценить ее роль для разработки стратегии такого поворота. Если, конечно, государство и общество осознают эту потребность. Если же нет, то у названной модели есть другая сторона (о которой, кстати, весьма откровенно говорят сами лидеры экологического движения). Названная совокупность видов деятельности может быть квалифицирована также как способ формирования и самосохранения альтернативного (то есть экологически ориентированного) сообщества внутри нашего общества. Это — шестая гипотеза.

Наконец, если рассмотреть выводы двух последних параграфов, то можно утверждать, что система эконоНПО представляет собой одновременно оптимальную форму духовного производства и среду воспроизводства интеллигенции — носителя проэкологических ценностей в нынешней России. Наличие этой системы отрицает предположение об импорте экологических установок с Запада, равно как и утверждение об однозначно проэкологическом характере русской дореволюционной культуры.

Масштабы действий и связей

Эмпирически были выявлены пять масштабов действий эконоНПО: локальный, городской, региональный, национальный и межнациональный (глобальный). Вместе с тем для большинства организаций характерна полимасштабность действий. Наиболее типичны такие сочетания, как локально-региональный; городской, региональный, национальный; региональный, национальный и межнациональный и (только) глобальный. В свою очередь, эта полимасштабность может быть актуальной и потенциальной. В первом случае результаты деятельности эконоНПО применимы практически повсеместно (скажем, экологическое знание, техническое изобретение, образовательная методика). Во втором — они в принципе могут оказать воздействие (через систему массовых коммуникаций или каналы неофициального общения) как на "экологическое сообщество", так и на общество в целом. Чем дольше существуют эти организации, тем вероятнее полимасштабность их действий, причем удельный вес универсальных функций и видов деятельности глобального масштаба будет возрастать. Это седьмая гипотеза.

Косвенное подтверждение ее справедливости — множественная аффилиация эконоНПО. Из изученных нами не менее 80-85 их процентов входят в различные объединения, движения, фонды и союзы, причем налицо стремление к членству в неправительственных организациях национального и международного масштаба. Как правило, каждая эконоНПО состоит и в какой-либо местной организации. Весьма распространено одновременное членство в экологическом движении в одной из многочисленных партий зеленых. Наконец, многие эконоНПО предпочитают маргинальную позицию, когда в зависимости от обстоятельств они выступают то как независимые, то как ассоциированные члены больших неправительственных организаций, то как подразделения государственных структур (НИИ, университетов и т. д.). По нашим подсчетам, более половины членов эконоНПО продолжают официально числиться работниками этих структур. Число же действительно независимых эконоНПО за 1981-1994 годы упало в несколько раз. Причем даже когда некая ячейка декларирует свой независимый статус, более детальный анализ выявляет ту же множественную аффилиацию, только юридически не фиксируемую. Однако это скорее исключение, ибо такое состояние одинаково выгодно и местным (низовым), и национальным ("зонтичным") организациям: первые обретают юридическую "крышу" и потенциальный источник ресурсов, вторые — повышают свой общественный статус, поскольку по закону

он связан с числом ассоциированных коллективных членов. Наконец, множественная аффилиация — это способ концентрации ресурсов, разделения труда, расширения возможностей тактического маневра при проведении массовых кампаний. А все это способствует укреплению самостоятельности и эффективности функционирования альтернативного экологического сообщества (см. шестую гипотезу).

Внутренняя динамика и конфликты

Стремление автора рассмотреть прежде всего позитивную сторону процесса становления российских экоНПО отнюдь не исключает негативную сторону. Противоречия и конфликты тотчас обнаруживаются при рассмотрении динамики этих групп, их взаимоотношений, а также отношений совокупного экологического сообщества с государством и обществом в целом.

Организации, о которых идет речь, созданы 40-50-летними и являются сферой их самореализации. Это наиболее зрелая и еще не утратившая творческого потенциала, психологически достаточно мобильная, способная адаптироваться к новым условиям часть российской интеллигенции. Однако, как представляется, ее уход в сферу НПО был "выбором без выбора". В самом деле, с одной стороны, не осталось никаких надежд на то, что возможности этих людей будут востребованы в государственных и квазиобщественных организациях доперестроечного периода, где прошла большая часть их профессиональной жизни (сегодня эти организации или распались, или влачат жалкое существование). С другой — стесненное материальное положение и профессиональный престиж не позволяют им "сойти с дистанции".

В этом — сила и слабость нынешних экоНПО. Сила — в профессиональном и организационном потенциале их создателей, в творческой атмосфере, свободе от рутины. Слабость и источник конфликтов — в различной мотивации создателей и молодых членов этих организаций. Первые стремятся максимально реализовать свои творческие возможности, но вынуждены отдавать все больше времени и усилий поиску заказов, переговорам и т. п., необходимым для выживания своего коллектива. Молодые же, как правило, рассматривают эти НПО как "нишу", убежище, где можно пересидеть, переждать или даже выжить, либо же как трамплин для создания собственного дела. Так или иначе — инструментально, прагматически. И в этом конфликт не столько поколений, сколько ценностей, культур и жизненных укладов. Для одних работа в экоНПО — это жизнь, для других — скорее эпизод, проба сил, одна из многих возможностей. Для третьих — убежище от чуждого и быстро меняющегося мира. "Сейчас мы как одна семья, — сказал один из лидеров типичного коллектива. — Но в действительности за мною никого нет, потому что они (то есть молодые) — совсем другие".

Давление обстоятельств, все более жесткая борьба за ресурсы и выживание, для чего, в свою очередь, нужны иерархизация внутренней структуры и функциональное разделение ролей, неуклонно разрушают некогда "семейный климат" рассматриваемых сообществ. Отсюда восьмая гипотеза: в ближайшее время атмосфера и характер деятельности этих сообществ сильно изменятся, приблизившись к модусу вивенди западных консалтинговых фирм.

Устойчивость движения — слабость политики

Эмпирически были выявлены семь типов экоНПО: консервационисты (защитники природы), альтернативисты (экоанархисты, идеологи строительства децентрализованного безгосударственного общества), традиционалисты (хранители просветительских и краеведческих традиций российской интеллигенции XIX века), гражданские инициативы (местные группы защиты и обустройства среды своего непосредственного обитания, в основном в городах), экополитики (экологически ориентированные политики, в основном

регионального масштаба, придерживающиеся принципа "политика решает все"), эконатриоты (радикалы из среды национал-патриотов) и экотехнократы (сторонники принципа "технология решит все экологические проблемы") [2]. Что означает это разнообразие идеологий и форм социального действия?

Во-первых, укорененность экологического движения и его опорного сообщества в российской культуре, в современной идейной и социально-политической ситуации. Скажем иначе: в совокупности перечисленных типов отражен практически полный спектр российской культуры (в ценностном, политическом и поведенческом смысле). Это разнообразие — лучшее подтверждение того, что российская культура не исчезла, не нивелировалась и тем более не превратилась в слепок с западной культуры. Я не даю никаких оценок, а лишь утверждаю, что современная российская культура укоренена в прошлом (причем в советском прошлом), может быть, гораздо более сильно, чем нам кажется, что она разнообразна и имеет своих коллективных носителей.

Во-вторых, разнообразие типов экоНПО в своей совокупности обеспечивает российскому экологическому движению значительную устойчивость, благодаря тому, что разные типы укоренены в разных "порождающих средах", имеют доступ к разным источникам ресурсов, образуют общий арсенал тактических средств и т.д. Вместе с тем, в-третьих, это разнообразие идеологий, политических ориентации и форм социального действия препятствует формированию единой для всего экологического движения политической стратегии.

На этом строится девятая гипотеза: чем типологически разнообразнее состав НПО, входящих в российское экологическое движение, тем оно более устойчиво как социальное сообщество, но тем меньше у него шансов для выработки единой политической линии по отношению к государству и обществу. В частности, именно поэтому, несмотря на многолетние усилия, не удается трансформировать экологическое движение в единую политическую партию (зеленых).

Производство изменений или мобилизация ресурсов?

Довольно обширна социологическая литература, утверждающая, что экологическое и другие социальные движения формируются и существуют за счет мобилизации ими наличных ресурсов общества. Не случайно употребляются и понятия "мобилизация", "поддержание", но не производство [3].

Итак, производят ли экоНПО ресурсы или только их мобилизуют? Чтобы ответить на этот вопрос, надо ясно представить, о каких именно ресурсах идет речь, откуда они берутся, чем стимулируется их производство в системе экоНПО (если оно существует), каковы его "технология", "продукция", кто ее потребитель.

Речь о людских, материальных, финансовых, организационных, информационных, тактических, морально-этических, временных и других ресурсах [4]. Действительно — что соответствует первой гипотезе о "порождающей среде" — многие из них имеются как бы в готовом виде. Они сконцентрированы или в самой этой среде, или в уже существующих неправительственных организациях — ассоциациях, фондах, объединениях, клубах и т.д. Таким образом, в общем и целом высокоурбанизированная социальная среда содержит, хотя бы в потенции, многие из необходимых для функционирования экоНПО ресурсы, которые остается только "мобилизовать".

Но и такая мобилизация не равнозначна прямому, непосредственному использованию ресурсов, будь они и легко доступны. Мобилизация в подобном смысле всегда есть отбор, перестройка, трансформация, осмысливание, приспособление к местным условиям и возможностям данной организации — то есть фактически производство новых ресурсов, пригодных для решения конкретных задач конкретными экоНПО. Даже простейшие формы мобилизации человеческих ресурсов (пикеты,

митинги) требуют определенной технологии действий, иными словами, процессов социального производства и воспроизводства.

Если государство и общество не заинтересованы в "экологическом повороте", то ни информации, ни кадров, ни материально-финансовых ресурсов для креативных и тем более протестных действий они никогда не предоставят. (А, по моему глубокому убеждению, наше "переходное" государство, озабоченное стабилизацией во что бы то ни стало и поддержанием баланса синоминутных интересов соперничающих элит за счет "проедания" будущего страны, никак не заинтересовано выделять какие-либо ресурсы на поддержание альтернативных проектов или организаций.) Напротив, как было уже не раз в нашей недавней истории, информация об экологической ситуации будет скрываться или искажаться, общественное внимание будет от нее отвлекаться и т.п. Поэтому-то исследования и разработки, воспитание и образование, сбор и распространение информации, пропаганда экологических знаний являются общими и преобладающими видами деятельности для всех типологических групп экоНПО.

Чем же побуждается, стимулируется в наших условиях это специфическое производство? Назовем несколько ключевых моментов: общая экологическая озабоченность населения; реакция конкретных групп, общностей на экологические аварии, катастрофы или на угрозу непосредственной среды обитания; общественное мнение, формируемое прежде всего средствами массовой информации; социальная, политическая, демографическая и иная общественная, общедоступная интерпретация экологического знания, вырабатываемого широкой совокупностью естественнонаучных организаций, в том числе и альтернативных; наконец, наличие экологически ориентированных групп и отдельных личностей, способных побуждать людей к коллективным действиям.

Иными словами, речь идет об инварианте очагового характера процесса социальных изменений, с той однако существенной спецификой, что эти изменения стимулируются не "ростом материальных потребностей" (или потребностями саморазвития индустриального производства как такового), а социальной интерпретацией естественнонаучного знания и морально-этическими императивами членов экологических сообществ и групп. Подчеркнем: это относительно автономные стимулы. Экологическая озабоченность населения может резко падать, кампаний протеста может не быть вовсе (как сейчас), а средства массовых коммуникаций отодвинут экологическую проблематику на задний план. Но воздействие науки (всеобщий фактор) и внутренняя убежденность экоактивистов в необходимости действий (индивидуальный фактор) будут продолжать оказывать свое влияние.

Какова же "продукция" этой специфической формы социального производства? Основные ее виды я уже называл, говоря о характере деятельности экоНПО. Совокупность этих организаций "производит" прежде всего (если посмотреть с интересующей нас точки зрения) экологическую ориентацию индивидов, групп и организаций, экологическое движение как таковое, "производит" и распространяет экологическое и соответствующее ему гуманитарное знание, а также порождает определенные институциональные структуры.

Отсюда десятая гипотеза: совокупность экоНПО представляет собой систему производства социальных изменений в обществе посредством формирования экологически ориентированных социальных субъектов, распространения экологических знаний, формирования ценностных и институциональных структур, утверждающих в обществе проэкологические формы жизнедеятельности.

"Технология" альтернативного производства

До сих пор система этого производства рассматривалась вне ее динамики и связи с социальным контекстом. В действительности "технологии" производства социальных

изменений существенно зависят от того и другого. На мой взгляд, можно говорить о трех стадиях его эволюции.

Первая — назову ее стадией локальной латентной самоорганизации — относится к доперестроечному периоду и первым годам перестройки. За исключением сообщества студенческих дружин охраны природы, экоНПО были разобщены, их деятельность мотивировалась в основном целями самореализации и самоорганизации, а необходимые (весьма скромные) ресурсы легко извлекались из "порождающих сред". Главным "технологическим" моментом было общение единомышленников, совместные природоохранные действия и усилия по сохранению своей автономии.

Административно-командная система санкционировала деятельность этих сообществ в ограниченных рамках и даже предоставляла им помещения для работы, экспедиционное оборудование, средства на организацию конференций и прочее. Главным "продуктом" на этой стадии были сами экоНПО, их инфраструктура и — что следует подчеркнуть особо — их лидеры. Однако допуская существование сообществ, государство никогда не выступало ни "заказчиком", ни "потребителем": считая полезной такую местную самодеятельность, существовавшая система никогда не рассматривала эти ячейки в качестве партнера и тем более альтернативы политическим структурам.

В тот же период подготавливалась почва и для следующей стадии развития сети экоНПО: состоялось несколько массовых кампаний протеста, формировалось проэкологическое общественное мнение. Однако все эти необходимые элементы рассматриваемого производства существовали как бы сами по себе и служили "исправлению ошибок", "дальнейшему развитию" социальной системы.

Вторую стадию (1988 — 1991 годы) я бы назвал стадией массовой мобилизации и консолидации. ЭкоНПО вышли на общественную арену и стали — правда, на весьма короткое время — политической силой. Главным стимулом массовой мобилизации был общедемократический протест, экологические требования составляли его интегральную часть. В этот период затрачиваемые ресурсы никак не соотносились с ожидаемым результатом: главной задачей было во что бы то ни стало переломить ход событий. Тем более, что повсеместность и массовость этих акций протеста создавали ощущение неисчерпаемости ресурса солидарных человеческих устремлений.

ЭкоНПО, в особенности возникшие на основе гражданских инициатив (они и были массовой базой формировавшегося экологического движения), стали оппозиционной силой. Их открытая борьба против господствующей идеологии и сложившейся системы резко стимулировали осознание широкими массами значимости защиты среды их непосредственного обитания, необходимости формирования органов общественного самоуправления как альтернативных социальных структур. Комитеты самоуправления стали в тот период почвой для возникновения многих экоНПО. Основным "технологическим" процессом была организация массовых коллективных действий, причем не только протестного, но и креативного характера. В этот короткий период многим экоНПО удалось организовать и собственные кооперативы, посреднические бюро, консультативные советы и т.п.

Отметим несколько важных результатов такой массовой мобилизации. Прежде всего соединились ранее разобщенные функциональные элементы альтернативного социального производства — экоНПО и местные движения, "продюсеры" общественного мнения, организаторы экологической пропаганды, "добытчики" информации и т.д. Интенсивно шло формирование общесоюзного экологического движения и его информационной инфраструктуры (действующей по сей день). Начал работать двуединый механизм формирования экологического сообщества: концентрация — децентрализация. Местные ячейки способствовали формированию массового экологического движения, а оно уже, в свою очередь, — как легитимная общественная организация — содействовало формированию и легитимизации новых экоНПО на местах. Еще один, чрезвычайно важный сдвиг — интеграция российского экологического сообщества в международное,

что означало глобализацию рассматриваемого социально-производственного механизма и появление нового, весьма мощного источника ресурсов.

Современная, третья стадия (1993 — 1994 годы) резко отличается от предыдущих. Я квалифицирую ее как стадию рационализации, профессионализации и бюрократизации. Дело в том, что контекст функционирования интересующей нас системы стал иным. ЭкоНПО и движение в целом лишились своей массовой базы — гражданских инициатив. Общественное мнение озабочено сегодня совсем другими проблемами. Утратило движение и своего некогда сильного союзника — средства массовой информации. Нет никакой ресурсной поддержки со стороны новых властных структур, более того, они наращивают сопротивление деятельности экоНПО. Финансовая и техническая помощь стала поступать в основном из-за рубежа в виде грантов, предоставляемых государственными организациями и частными фондами [5], а это, по сути, определяет цели и приоритеты функционирования всей системы экоНПО.

Я далек от мысли, что Запад таким образом навязывает нам какие-то ложные, ошибочные цели. Я лишь хочу сказать, что российские экоНПО утратили в этом смысле самостоятельность. Между тем видение экологических приоритетов "оттуда" и "отсюда" может быть весьма различным. Например, очевидно, что формирование проэкологических ценностей в обществе невозможно, если эти НПО периодически не выходят на публичную арену. Но для Запада вряд ли приемлемо финансирование здесь, в России, политических акций, пусть даже проэкологического характера.

По мере того, как рассматриваемые организации утрачивали массовую базу и публичный статус, их усилия все более сосредоточивались на прикладных исследованиях и разработках, информационной и образовательной деятельности. Гражданский пафос исчезал, уступая место обычной службе, рутине. Система соискательства грантов стимулировала профессионализацию некогда многофункциональных экоНПО, а распределение грантов породило свою внутреннюю бюрократию, усилило разрыв между принимающим решения центром и "соискательствующей" периферией. Критериями выбора профилирующей деятельности экоНПО сегодня являются не общественная потребность и не внутренняя убежденность лидеров этих организаций, а возможность получения и выгодность заказа (гранта). В результате внутри- и межгрупповая солидарность уступает место все более жесткой конкуренции за ограниченные ресурсы (гранты). Все большее значение приобретают вертикальные связи местных экоНПО с "центром" (неважно — Москва это или Вашингтон), напротив, их горизонтальные связи, а также контакты с местной средой заметно ослабевают.

Наконец, о динамике экологического сообщества в целом. Силы входящих в него экоНПО не равноценны. Есть организации-лидеры, есть "средняки" и есть весьма слабые, существующие скорее номинально, чем реально, причем эта дифференциация со временем возрастает. Сила и влияние конкретной экоНПО определяется, как правило, ее прошлым ресурсным (человеческим, информационным, организационным) потенциалом, авторитетом в глазах международного экологического сообщества, политическими качествами ее лидеров. Трудно переоценить и роль "порождающей среды", которая не только дала данной организации "стартовый капитал" (в виде идеологии, информации, связей, а также уже существовавших организационных ячеек), но и продолжает оказывать ей всестороннюю ресурсную поддержку. В результате, как представляется, идет процесс концентрации власти и ресурсов в нескольких экоНПО федерального и международного уровня. Практически это означает сохранение и даже усиление лидерства тех организаций, где господствуют консервационисты. Их "порождающая среда" (интеллектуальное международное сообщество ученых и специалистов естественнонаучного профиля) была и остается наиболее мощной, организации и их связи — наиболее развитыми, тактический арсенал — наиболее разнообразным и гибким. Соответственно ими развиваются наиболее привычные, хорошо

обработанные "технологические формы": исследования и разработки, а также воспитательные, образовательные, информационные и пропагандистские институты.

Можно предположить — это одиннадцатая гипотеза, — что "технология" проэкологических социальных изменений зависит как от социального (политического) контекста, так и от "инновационного потенциала" экоНПО. Существует два основных вида этой "технологии": саморазвития, когда экологическое сообщество работает на себя, вырабатывая идеологию, расширяя и укрепляя круг своих организаций (то есть накапливая названный потенциал и отрабатывая способы самоподдержания и самоорганизации); и инструментальная, когда данное сообщество пытается внести проэкологические социальные изменения в общество путем публичных, в том числе политических, действий. В принципе для достижения эффекта такого рода изменений два названных вида "технологий" должны взаимодополнять друг друга.

Однако это условие, важнейшая предпосылка изменений в обществе, осознавшем необходимость таких перемен. А что же в российском обществе, которое не готово к ним? Какой может быть эта "технология" в среде, порождающей совсем другие, потребительские ценности?

Теоретически в таких условиях должна использоваться стратегия выживания, направленная на сохранение главных целей и функционального "каркаса" экологического сообщества. Это предположение подтверждается декларацией, принятой в апреле 1994 года представителями "зеленого" движения 15 стран. Осознавая, что большинство населения еще не разделяет их идей, а насилие не соответствует идеалам движения, они выдвинули идею создания "альтернативного общества". Три его основных принципа: конфедерация территорий, население которых принимает данную декларацию; союз альтернативных — не разрушающих природу и не стимулирующих потребление — производств; "свободное культурное сообщество" творчески мыслящих людей любых профессий [6].

Но это лишь декларация. Выбор реально используемых "технологий" проэкологических изменений сейчас невелик. Это попытки создать уже упоминавшиеся альтернативные сообщества — от сети экоНПО до отдельных экопоселений и коммун. Это приобщение к движению новых членов путем вовлечения их в массовые кампании и акции протеста (иными словами, через целенаправленно конструируемые социальные конфликты). Как и прежде, используется метод инфильтрации — проникновения отдельных экоактивистов в структуры исполнительной власти, однако все с меньшим успехом, так как и энтузиастов становится все меньше, они уже примелькались. Удастся, да и то с трудом, установить контакт с отдельными политическими лидерами и членами Государственной думы. Продолжают, хотя и с меньшей результативностью, функционировать альтернативные внеинституциональные общественные структуры (типа Волжского парламента, экологических советов при губернаторах некоторых областей России). Наиболее эффективными остаются такие каналы инноваций, как экологические образование, воспитание, пропаганда.

Поэтому последняя, двенадцатая гипотеза такова: в обозримом будущем экологически ориентированные социальные изменения в России будут "мелкоочаговы" и непостоянны. В целом же в нашем обществе как социальной (экономической, политической, культурной) среде условий для укоренения подобных изменений пока нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яницкий О.Н. Экологическое движение и контекст: становление гражданского общества в посттоталитарной среде // Социол. исследования, 1992. №12. С. 42-43; Халий И.А. Экологическое движение в условиях крупного индустриального центра России: Автореферат канд.диссертации. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 15

2. Яницкий О.Н. Экологическое движение и экополитика // Социол. исследования, 1994. № 10. С. 11-18.
3. Zald M., McCarthy T. (Eds.) Social movements in an organizational society: Collected Essays. New Brunswick; Oxford. Transactions Books, 1987.
4. Яницкий О.Н. Социальные движения: Сто интервью с лидерами. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 189-205.
5. Хотите получить грант? "Семена демократии: присуждение грантов на проекты по охране окружающей среды в странах СНГ"// Берегиня, 1993. №6. С. 14.
6. "Нижегородская Декларация"// Берегиня. 1994. №3. С. 2.